

ля опять раздумалась: «Зачѣмъ отказала? Что одной-то жить? Лучше пойду за Журавля.» Приходить къ Журавлю,—Журавль не хочетъ, прогналъ Цаплю. Прогналъ да потомъ обдумался—идетъ къ Цаплѣ, — опять Цапля не хочетъ.

Такъ-то и по сю пору ходятъ они одинъ къ другому свататься, да никакъ не женятся.

Пузырекъ, соломенка и уголь *).

бабушки, у старушки лежалъ пузырекъ въ кладушкѣ. Отворила разъ старушка свою кладушку — Пузырекъ-то, и выскочи. Выскочилъ, и давай храбровать: «Нѣтъ мнѣ, Пузырьку, здѣсь удалца равнаго, не съ кѣмъ мнѣ, богатырю, силой помѣяться. Пойду въ чуждалные края, въ Іерусалимъ-градъ, съ бусурманами воевать.» Набралъ себѣ Пузырь храбрыхъ товарищей—Уголька да Соломенку и пошли они въ невѣдомые края: черезъ порогъ—въ сѣни, съ сѣней—на крыльцо. А у того крыльца увидали молодцы широкое озеро: цѣлое ведро воды дѣвка пролила.

Говоритъ Пузырь-богатырь: «Перекинься ты, Соломенка, черезъ озеро съ берега на берегъ, мы по тебѣ перейдемъ». Перекинулась Соломенка. Уголекъ—онъ горячій,—впередъ прыгнулъ. На самой серединѣ озера замутило у Уголька со страху въ головѣ, остановился онъ.... Какъ закричитъ Соломенка: «Батюшки, жарко! Родимые, горю! Жжетъ меня Уголь!» — Перегорѣла да и бултыхъ вмѣстѣ съ Уголькомъ въ воду. А Пузырекъ хохоталъ-хохоталъ, смѣячисъ съ крыльца свалился—и объ камень разбился.

Кабы не эта бѣда, не видать бы теперь бусурманамъ Іерусалимъ-града!

*) Записана А. А. Гатиукомъ въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губ. (1867 г.)